

от канона «высокого стиля». Однако и комедия Грибоедова «Горе от ума», несмотря на свободную, разговорную манеру, лишь в 14 случаях отступает от традиционной рифмовки.

Оговорки требуют рифмы прилагательных муж.-средн. рода род. пад. ед. ч. на -ого [-овл].⁹ Здесь на помощь поэтам явилось написание -ова, благодаря чему уже у Сумарокова встречаются сочетания типа *другова: слова, инова: готова* и т. п. Этот факт является косвенным свидетельством влияния орфографии на рифму. Капнист в «Ябеде» до 10 раз пользуется такой рифмовкой (*Прямикова: другова: роднова* и др.). Не менее показательны его попытки преступить запрет написанием а вместо о, мотивированным просторечным произношением; например: *чему-та: Анюта* (546), *Анюта: туа* (571), *громада: нада* (559—560), *спасиба: рыба* (557).

Широкое распространение рифмы а: о (а также е: и, -ье: -ья: -ьи) получают с конца 30-х годов (Лермонтов); в середине и во второй половине XIX в. можно говорить об общем процессе деканонизации точной рифмы и замене ее рифмой «приблизительной» («узуально-точной»), с различными незначительными отклонениями в области редуцированного заударного вокализма (заударные а (о): ы: у, -я: е, разнообразие случаи отсечения -й, развитие составных рифм с более тяжелым вторым элементом и т. п.). Но эти явления стоят за пределами настоящей статьи.¹⁰

В свое время я попытался объяснить нормы рифмовки неударных гласных в русской поэзии XVIII и начала XIX в. ориентацией на написание. Так же толковали эту традицию ее критики в середине и второй половине XIX в., боровшиеся за расширение рифмовых возможностей русского стиха. С. П. Шевырев неправильно считал ее специфической для художественного стиля «музыкальной школы» Батюшкова и Жуковского: «Взгляните на рифму этой школы: какая строгая отточенность до последнего звука! Мы недаром приглашаем глядеть на нее: она в самом деле существует не для одного слуха, но и для глаза. Она не пользуется даже счастливым свойством нашего языка, который, по сходству звука, позволяет рифмовать буквам о и а в словах женского окончания. Но музыкальная школа считала это за ошибку против верности звука».¹¹ «Дайте рифме такую же волю, как стиху, — пишет Шевырев в другом месте, — уничтожьте навсегда нелепый предрассудок о глазных рифмах». В поисках новых рифмовых созвучий он предлагает поэтам использовать характерное для русского языка «неясное произношение на конце слова» (т. е. редукцию заударных гласных): «Извлечем из сего недостатка по

⁹ См.: Рад Кошутин. Грамматик русског језика, стр. 431—435.

¹⁰ См.: В. Жирмунский. Рифма, стр. 129—187.

¹¹ «Москвитянин», 1841, ч. 5, № 9, стр. 240 (рец. на «Сочинения А. С. Пушкина»).